

со дня рождения Г. В. Плеханова. 20—21 декабря 1956 г. Тезисы докладов. Одесса, 1956. С. 9, 27.

⁶ Тютюкин С. В. К вопросу о революционном шовинизме в годы первой мировой войны // Первая мировая война. 1914—1918. М., 1968. С. 262, 266; Его же. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М., 1972. С. 51, 57, 59—60, 63—65, 217; Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. С. 309; Не-пролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 190 и др.

⁷ См., напр.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 181—183; Его же. Плеханов // Политические партии Рос-сии. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 461; Его же. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 305—361; Его же. Меншеви-ки // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 239 и др.

⁸ См., напр.: Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов: человек и политик. Пермь, 1992. С. 86—90 и др.

⁹ См.: Костяев Э. В. Отношение Г. В. Плеханова к первой мировой войне (1914 — февраль 1917 г.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 3. Ч. 1. Саратов, 1998. С. 160—166. В этой работе можно также познакомиться с авторским подходом к проблеме соотношения понятий оборончества и интернационализма.

І. В ЭМИГРАЦИИ

1. Немного предыстории

Прежде чем приступить к анализу отношения Плеханова и его еди-номышленников к проблемам войны и мира непосредственно в ходе Пер-вой мировой войны, хотелось бы кратко остановиться на процессе выра-ботки у Георгия Валентиновича основных принципов подхода к войнам эпохи империализма. Намечены они были ещё в последние десятилетия XIX века.

Так, представляя в 1889 г. российских марксистов на Парижском конгрессе II Интернационала, лидер группы «Освобождение труда» прого-лосовал за резолюцию, провозглашавшую борьбу за мир первым и непре-менным условием освобождения пролетариата, призывавшую рабочих от-вергать военные проекты, предлагаемые правительствами, и требовать за-мены постоянных армий всеобщим вооружением народа. В 1893 г. на Цю-рихском социалистическом конгрессе Плеханов, выступая в качестве док-ладчика от Комиссии по военному вопросу, поддержал предложение не-мецкой делегации о том, что международная революционная социал-демо-кратия всех стран должна восстать «против шовинистических appetites господствующих классов», неослабно работать «над сокрушением капита-лизма, который разделил человечество на два враждебных лагеря и кото-рый натравливает народы друг на друга». «Вместе с уничтожением гос-подства классов исчезает война, — подчеркивалось в докладе. — Падение капитализма означает мир во всём мире»¹.

В том же 1893 г. Георгий Валентинович продемонстрировал свой воинственный настрой против империалистических поползновений цар-ского правительства: «...пусть русское правительство держит себя спокой-но, — писал он, — социалисты будут первыми бороться против всяких во-инственных тенденций. И если это ненавистное правительство не будет держаться смиренно, если оно попытается наложить свою тяжёлую лапу на соседние народы, тогда всякое воздержание будет преступным, тогда нуж-на будет... война без отдыха и пощады! И эта война *против нашего пра-вительства* будет... войной за *освобождение нашего народа*»².

Развиты, уточнены и конкретизированы эти взгляды были тогда, ко-гда появился реальный объект их приложения — русско-японская война 1904—1905 гг. В ходе её основатель российской социал-демократии (в то время — член Международного социалистического бюро (МСБ) II Интер-национала от России, председатель Совета РСДРП и член редакции мень-шевистской «Искры») ярко проявил себя как непримиримый и бескомпро-миссный критик империалистических устремлений царского правительст-

ва. Главным виновником развязывания конфликта Плеханов считал отнюдь не Японию, флот которой в ночь на 27 января 1904 г. без объявления войны напал на российскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. В августе 1904 г. он говорил, что война была начата именно русским самодержавием, жаждавшим грабежей, эксплуатации, завоеваний³.

Не обошёл вниманием Георгий Валентинович и внутривосточные соображения царизма, рассчитывавшего путём быстрой и лёгкой победы над Японией поднять авторитет самодержавия среди своего населения и предотвратить таким образом назревавший революционный взрыв. В апреле 1904 г. он писал о питаемой российским правительством надежде, что конфликт с какой-нибудь иностранной державой «позволил бы ему восстановить хоть немного свою популярность и реабилитировать себя во мнении “верных русских подданных”, всё менее и менее расположенных восторгаться прелестями деспотического режима»⁴.

Немало отечественных авторов, анализировавших отношение Г. Плеханова к русско-японской войне, неверно характеризовало его взгляды как пораженческие или революционно-пораженческие⁵. Г. Зиновьев, например, называл пораженческой речь Плеханова в день открытия Амстердамского конгресса II Интернационала⁶. Послушаем, что же пораженческого он там говорил? «Если даже Россия выйдет победительницей из этой войны, то побеждённой окажется не Япония, а русский народ...» И далее: «...когда приходит сообщение за сообщением о русских поражениях, царское правительство нигде не встречает сочувствия, оно совершенно изолировано...»⁷ Как видно из приведённых отрывков, в этой речи не было ничего пораженческого. Из неё лишь следовало, что оратор не желал победы царской России. Но не желать ей победы — вовсе не значит выступать за поражение страны и, тем самым, ратовать за торжество Японии.

Неубедительной является и ссылка С. Тютюкина⁸, сделанная для доказательства пораженчества Плеханова в годы русско-японской войны, на следующие его слова: «Международная социал-демократия... не сочувствует войне и знает, во что обойдётся японскому народу победа Японии, — писал Георгий Валентинович в статье “Строгость необходима...”, опубликованной в первом номере “Искры” за 1904 г. — Но знает она также, что несравненно дороже обойдётся бы России, а с нею и всей Европе, победа русского царя над Японией. Из двух зол она выбирает меньшее»⁹.

Эти слова действительно свидетельствовали бы о приверженности основателя российской социал-демократии пораженчеству, если бы он писал их от себя. Однако при более внимательном прочтении цитируемой статьи отчётливо видно, что это не так. Значительная её часть была посвящена разъяснению Г. Плехановым лондонскому корреспонденту либеральной московской газеты «Русские ведомости» сути отношения **международной** социал-демократии к конфликту России и Японии, в котором её симпатии находились на стороне последней. В рамках данного разъясне-

ния им были приведены и цитированные выше слова. Однако необходимо подчеркнуть, что под международной автор подразумевал в данном случае социал-демократию **всех стран, кроме России**. Это видно из последнего абзаца статьи, едва ли не единственного в ней, где Плеханов писал от себя самого и от имени всей РСДРП: «...нам обидно, что наша страна представляется **передовым партиям других стран** чем-то вроде европейского жандарма, которому **они** (выделено мною. — Э. К.) не могут не желать неудач и поражений...» Здесь и далее в этом абзаце нет уже ни одного слова, которое можно было бы истолковать как доказательство приверженности Г. Плеханова пораженческой тактике. А выход из очерченных в данной работе проблем её автор видел следующим: «...чем больше отзываются в нашем сердце... бедствия войны, тем твёрже должны мы помнить, что теперь более, чем когда-нибудь, *строгость необходима*, ...которая называется революционной непримиримостью, ...которая разрушит безобразное здание царизма... и делает нас, наконец, *свободным народом*. Справившись с *внутренним врагом*, мы, в качестве такого народа, уже сравнительно легко уладим свои дела со всеми “*внешними врагами*”»¹⁰.

Таким образом, ни содержание речи Г. Плеханова на Амстердамском конгрессе II Интернационала, ни положения его статьи «Строгость необходима...» не доказывают его пораженчества в период русско-японской войны. Плеханов в 1904—1905 гг. **не высказывался за поражение страны** и не призывал к каким-либо практическим действиям в данном направлении. Руководствуясь соображениями нежелательности усиления самодержавного режима, **он не хотел победы царской России** в этом конфликте, что далеко не одно и то же. Он уповал в борьбе с самодержавием не на успехи японского оружия, а, в первую очередь, на силу руководимого РСДРП сознательного пролетариата, который в конечном счёте сам, без помощи извне, способен свергнуть правящий режим.

Показательной в этом отношении является также история с несостоявшимся участием социал-демократов в Международной конференции оппозиционных и революционных организаций России (сентябрь—октябрь 1904 г., Париж), куда представители РСДРП, среди прочих, были приглашены известным борцом против русификации Финляндии Конрадом Зиллиаксом, связанным с японской разведкой. На заседании Совета РСДРП (П. Аксельрод, В. Ленин, Ю. Мартов, В. Носков и Г. Плеханов), состоявшемся 31 мая 1904 г. и обсуждавшем предложение Зиллиакса, было решено принять предложение. Однако когда меньшевик Фёдор Дан узнал об его связях с японцами и 21 августа 1904 г. доложил об этом Совету партии, решение было изменено. «В конференции, предлагаемой финляндцами, в принципе можно было высказаться за участие, — говорил на этом заседании Совета РСДРП его председатель Г. Плеханов. — Но раз были обнаружены вышеупомянутые факты и высказывалось предположение, что даже сама инициатива (созыва конференции. — Э. К.) могла исходить от япон-

ского правительства, ничего не оставалось делать, как ответить финляндцам самым решительным отказом»¹¹. Комментарии излишни, снова — ничего пораженческого¹².

Хотелось бы подчеркнуть, что впоследствии основатель российской социал-демократии ни разу не изменил тем принципам отношения к войнам, которые были выработаны им в конце XIX — начале XX в.: неприятие их как средства разрешения международных конфликтов и борьба за мир как главное условие освобождения пролетариата; осуждение, с одной стороны, шовинистических и империалистических целей, преследуемых в ходе войн правительствами (в том числе и российским), с другой — неприятие пораженчества; и, наконец, неослабная работа, направленная на сокрушение капитализма, который натравливает народы друг на друга и разжигает войны.

2. Начало войны

Ни Балканские войны 1912—1913 гг., ни более мелкие межгосударственные столкновения не устранили противоречий в соперничестве великих держав, а ещё более накалили международную атмосферу, создав благоприятную почву для новых и ещё более острых противостояний в будущем. К лету 1914 г. противоречия ведущих мировых держав (Англии и Германии из-за колоний и сфер влияния в мире, Германии и Франции из-за Эльзаса и Лотарингии и др.) обострились так, что достаточно было незначительного повода, чтобы противостояние стран Антанты и Четверного союза переросло в крупный вооружённый конфликт.

Международная социал-демократия предвидела его приближение и готовилась к отпору, о чём свидетельствовало содержание резолюций интернациональных социалистических конгрессов. Так, резолюция по вопросу о милитаризме и международных конфликтах, принятая в 1907 г. на Штутгартском конгрессе II Интернационала, гласила, что если война начнётся, то пролетариат всего мира и его парламентские представители обязаны приложить все усилия для скорейшего её прекращения и всемерного использования вызванного войной экономического и политического кризиса для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубокие общественные слои и ускорить падение власти капитала¹³. Таким же духом были проникнуты антивоенная резолюция Копенгагенского (1910) и манифест Базельского (1912) конгрессов II Интернационала¹⁴.

В разработке этих решений активно участвовали и российские социал-демократы. Так, на Штутгартском конгрессе В. Ленин, Р. Люксембург и Ю. Мартов внесли от имени делегации России ряд поправок к проекту резолюции А. Бебеля, причём последняя из них — об использовании поро-

даемого войной кризиса для ликвидации капиталистической системы как главной виновницы милитаризма и военных конфликтов — имела принципиальный характер, была потом подтверждена на конгрессе в Копенгагене и вошла в Базельский манифест. Г. Плеханов с одобрением относился к штутгартской резолюции о милитаризме и международных конфликтах. «В самом деле, — писал он, — она гласит, что в случае надобности все политические партии обязаны употребить в дело *все* средства, которые им покажутся наиболее подходящими для предупреждения войны. Эта алгебраическая формула обобщает *всякие* возможности, т. е., между прочим, возможность *не только всеобщей стачки, но и вооружённого восстания*. А этого достаточно»¹⁵.

Однако принятие на международных социалистических конгрессах II Интернационала антивоенных резолюций не смогло помешать развязыванию мирового конфликта. 15 июня 1914 г. в Сараево сербским патриотом Гаврилой Принципом был убит наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд, на что ровно через месяц Австро-Венгрия ответила объявлением войны Сербии. В ответ на мобилизацию в России Германия 19 июля того же года объявила ей войну. Спустя два дня Германия объявила войну также Франции и Бельгии. 22 июля войну империи Гогенцоллернов объявила Великобритания, а 10 августа — Япония. Вскоре война приобрела невиданные до того времени масштабы — в ней участвовало 38 государств с населением в 1,5 миллиарда человек, что составляло три четверти населения Земли; общее число мобилизованных в армию во всех странах за время войны составило почти 74 миллиона человек¹⁶.

Учитывая содержание резолюций Штутгартского и последовавших за ним конгрессов, можно было предполагать, что место авангарда в борьбе за прекращение Первой мировой войны займёт международный пролетариат, ведомый социал-демократическими партиями. Он насчитывал тогда свыше 150 миллионов человек и имел политическое объединение — II Интернационал, куда входили 27 социалистических партий из 22 стран. Однако реальный ход событий показал, что единство международного рабочего движения в борьбе против милитаризма и твёрдая решимость членов Интернационала помешать развязыванию новой кровавой драмы оказались иллюзией. Когда война началась, многие лидеры партий II Интернационала не сделали ничего для претворения в жизнь антивоенных решений конгрессов, а, напротив, стали призывать пролетариат своих стран на защиту отечества.

Меньшевик Александр Потресов по поводу бессодержательности лозунга Интернационала о международной солидарности пролетариата в случае развязывания войны написал в начале 1916 г.: «...достаточно было вспыхнуть мировому пожару, чтобы при свете его стало ясно, ...что международность была до сих пор совсем не фактором общественно-политической жизни, не достоянием массового сознания, а только... парадной

фразой, которой по праздникам... привыкли обмениваться между собою главари отдельных пролетарских движений»¹⁷. Правоту Потресова подтверждают и воспоминания социал-демократа Ивана Майского о Копенгагенском конгрессе 1910 г.: «...обсуждение проблемы войны, — писал он, — заняло на конгрессе меньше времени и сопровождалось гораздо меньшим накалом страстей, чем дискуссия по такому сравнительно второстепенному вопросу, как единство профессионального движения в Австрии»¹⁸.

Уже первые дни войны дали примеры нарушения торжественных обещаний вождей II Интернационала на социалистических конгрессах. А правление СДПГ не дождалось и её начала, уведолив 16 июля, за три дня до развязывания мирового конфликта, рейхсканцлера Бетмана-Гольвега о том, что партия не планирует никаких антивоенных акций и её печати дано указание избегать «способных вызвать недоразумения высказываний»¹⁹. 22 июля на заседании рейхстага фракция СДПГ проголосовала за предоставление кайзеровскому правительству военного кредита в 5 миллиардов марок. Её председатель Гуго Гаазе мотивировал этот шаг необходимостью обороны Германии от нападения царской России и сохранения завоеваний германского пролетариата. Одновременно фракция призвала рабочих страны воздержаться на время войны от стачек и провозгласила политику гражданского мира («бургфриден»)»²⁰.

Эти факты вызвали шок среди большинства российских социалистов, поскольку СДПГ до начала мировой войны была для них настоящим кумиром, образцом для подражания. Льва Троцкого телеграмма «о капитуляции германской социал-демократии потрясла... больше, чем само объявление войны», поскольку раньше он не допускал и мысли, что социал-демократия станет «ползти на брюхе перед национальным милитаризмом»²¹. «Немцы на этот раз... основательно посрамили знамя марксизма и скандально ликвидировали свою гегемонию в международном социализме...»²², — писал Ю. Мартов П. Аксельроду 12 сентября 1914 г.

Г. Плеханов же считал поступок социал-демократической фракции рейхстага изменой международной солидарности пролетариата. Её лидер Гаазе, образно выражался он, вручил Бетману-Гольвегу тот нож, которым канцлер зарезал ни в чём не повинную Бельгию»²³. В начале сентября 1914 г. Георгий Валентинович сообщал Иде Аксельрод, как тяжело подействовало на него поведение немецких социал-демократов. «Я был нравственно болен, — писал Плеханов. — Теперь несколько поправился: привык. Бернштейн торжествует, и Каутский молчит или говорит слова, тёмные, как осенняя ночь. Трудно!»²⁴.

Тем временем социалисты других воевавших стран, кроме России и Сербии, последовали примеру СДПГ. В частности, на собрании руководства Французской социалистической партии (ФСП) 20 июля 1914 г. её секретарь Дюбрейль заявил, что в этой оборонительной войне партия счи-

тает своим долгом отстаивать независимость и неприкосновенность Франции»²⁵. Вскоре после начала конфликта в состав правительства вошли такие лидеры французских социалистов, как Жюль Гед (государственный министр), Альбер Тома (министр по делам вооружений) и Марсель Самба (министр общественных работ). В Англии министром без портфеля стал лейборист Артур Гендерсон, а в Бельгии сам председатель МСБ II Интернационала Эмиль Вандервельде занял пост министра юстиции. Находившийся в августе 1914 г. в Париже Плеханов, также считавший начатую войну оборонительной со стороны стран Антанты, одобрил голосование французских социалистов за военные кредиты и вступление своего друга Гед и его коллег по партии в национальное правительство.

Таким образом, II Интернационал, как идейно-политический и организационный центр мирового рабочего движения и инструмент международной солидарности трудящихся, оказался в 1914 г. недееспособным. Европейские социалисты в большинстве своём разбрелись по «национальным квартирам», бросив все силы на поддержку правительств своих стран в их военной политике. Несколько иное положение дел сложилось в среде российской социал-демократии. Не похожей на европейские социалистические образцы была и «военная» платформа Г. Плеханова и его единомышленников.

3. Единомышленники Плеханова

Как известно, каждому генералу нужна армия, и перед тем, как приступить непосредственно к характеристике отношения Г. Плеханова и его соратников к Первой мировой войне, весьма кстати было бы назвать имена тех людей, которые находились рядом с ним в данный период, являясь его единомышленниками.

Начало мирового конфликта вызвало в среде российских меньшевиков идейное размежевание по вопросу о том или ином к нему отношении. В результате за границей и в России образовалось несколько течений и групп, занимавших порою прямо противоположные позиции при оценке разных вопросов, связанных с войной. Значительную часть крупных партийных авторитетов начало международной бойни застало в эмиграции. Постепенно здесь сложилось несколько стоявших на различных тактических позициях внутрипартийных центров, вокруг которых вплоть до Февральской революции 1917 г. сосредоточивалась работа социал-демократической эмиграции.

Одним из таких центров была группа Г. Плеханова и его единомышленников, среди которых следует, прежде всего, выделить младшую из сестёр Аксельрод Иду, Григория Алексинского, очень влиятельного, по

мнению Плеханова, на Кавказе²⁶ секретаря Центрального бюро Заграничных групп социал-демократов-партийцев князя Константина Андронникова (Кахели), бывшего депутата II Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии Г. Белоусова, Льва Дейча и его жену, скульптора Эсфирь Зиновьеву-Дейч, Пантелеймона Дневницкого (Фёдора Цедербаума), коллегу Алексинского по разоблачению А. Парвуса, как агента германского Генерального штаба, Ивана Киселёва, Алексея Любимова, Валентина Ольгина (Фомина) и некоторых других. В конце июня 1915 г. в Париже группой был выпущен оборонческий сборник «Война», в котором поучаствовали И. Аксельрод, Алексинский, Андронников, Дейч, Дневницкий, Любимов, Ольгин и Плеханов. Её печатным органом была еженедельная газета «Призыв», издававшаяся с осени 1915 до конца марта 1917 г. также в Париже под редакцией Плеханова, Алексинского и Любимова совместно с эсерами-оборонцами Николаем Авксентьевым, Андреем Аргуновым, Ильёй Бунаковым (Фондаминским) и Борисом Вороновым (Лебедевым).

Что же касается единомышленников Г. Плеханова, находившихся в тот период в России, хотелось бы отметить известного философа и литературоведа Любовь Аксельрод, работавшую в одном из санитарных поездов на фронте, а затем в военно-хирургическом госпитале в Москве жену Алексинского Татьяну (урожд. Евтихievу), рабочего депутата IV Государственной думы от Таврической губернии А. Бурьянова, доктора медицины Николая Васильева, старую революционерку Веру Засулич, редактора журнала «Современный мир» Николая Иорданского и других. В 1917 г. все они объединились с большинством вернувшихся из эмиграции плехановцев в группе «Единство», но об этом речь ещё впереди.

Пока же необходимо отметить, что ближайшими сподвижниками Г. Плеханова за границей в 1914 — феврале 1917 г. являлись Г. Алексинский и А. Любимов. Хорошо знавший первого из них по партийным школам на Капри и в Болонье, а также по группе «Вперёд» Александр Богданов написал однажды, что Алексинский «и в эпоху своего большевизма, даже вперёдства, был ярким плехановцем в теории»²⁷. Не случайно поэтому, что с началом мировой войны он примкнул именно к группе Г. Плеханова. Нельзя не отметить при этом, что оборонческая позиция Григория Алексеевича, бывшего ранее среди видных большевистских руководителей, стала в начале мировой войны одним из приятных для Плеханова сюрпризов. «Меня удивляет, — писал он Любимову 22 ноября 1914 г., — что Алексинский не ударился во мнимо-революционную фразеологию. И я очень рад его революционной трезвости»²⁸. Помимо участия в сборнике «Война», редактировании «Призыва», в полностью одобрявшихся Плехановым²⁹ разоблачениях неблагоприятных занятий Парвуса и других общегрупповых мероприятиях, Г. Алексинский в августе—сентябре 1915 г. издавал в Париже общественно-политическую и литератур-

ную газету «Россия и свобода», выпустив 4 её номера, а также в конце 1916 — начале 1917 г. был парижским корреспондентом либеральной петроградской газеты «Русская воля».

История сотрудничества Алексинского с «Русской волей», как и многие другие его действия и поступки, носила скандальный характер. Инициатива появления этого издания на свет исходила от товарища председателя IV Государственной думы и члена Прогрессивного блока Александра Протопопова, в сентябре 1916 г. ставшего министром внутренних дел и начальником жандармского управления России. Началось всё с того, что осенью 1916 г. принять участие в газете было предложено Плеханову известным писателем и публицистом А. Амфитеатовым и профессором С. Адриановым. Георгия Валентиновича в предполагавшемся издании привлекало многое — и его программа (развитие производительных сил России, в интересах которого необходимы свободные учреждения, обеспечивающие, среди прочего, и права рабочего класса), и обещанная независимость редакции от правительственных кругов, и демократический характер газеты, и, наконец, очень большой по тогдашним меркам 800-тысячный тираж, позволявший надеяться на широкое распространение оборонческих взглядов в России. Он готов был уже принять предложение, считая очень важным получение свободной трибуны в издававшейся на Родине газете, обладавшей к тому же огромными связями и средствами. Убедя единомышленников из «Призыва» в необходимости такого шага, Плеханов просил их не забывать ставшее знаменитым выражение Августа Бебеля о том, что ради дела тот готов был идти вместе с чёртом и его бабушкой³⁰.

Однако как один из редакторов «Призыва» в разговоре с Адриановым и Амфитеатовым он поставил своё участие в «Русской воле» в зависимость от того, как отнесутся к этому его коллеги. Если, говорил Плеханов, большинство найдёт возможным немедленное участие, то он сразу станет сотрудником новой газеты и напишет для неё статью «О любви к отечеству и народной гордости», где постарается выяснить, как надо относиться к ним современным социалистам. Если же редакция «Призыва» найдёт, что с участием в «Русской воле» надо подождать до обнаружения её характера, то он безропотно подчинится и этому решению. Обещание было выполнено. Коллеги Плеханова по «Призыву», положившись на передававшиеся из России А. Бурьяновым, Н. Иорданским и эсером Владимиром Зензиновым непроверенные, целиком основывавшиеся на слухах данные о зависимости газеты от министра Протопопова, не посчитали нужным завязывать связи с таким официозным изданием. И, несмотря на то, что непроверенная информация позже не подтвердилась, и после назначения Протопопова на министерский пост и он, и причастные к основанию газеты лица отошли от дела; на то, что Плеханов верил в политическую порядочность Амфитеатрова и в то, что редактируемое им издание

действительно не будет официозом; на то, что обещанная независимость редакции «Русской воли» от правительства и её демократический характер после выхода газеты подтвердились — Георгий Валентинович подчинился мнению большинства редколлегии «Призыва» и сотрудником нового издания не стал³¹.

Что же касается Г. Алексинского, то, получив предложение писателя Леонида Андреева о сотрудничестве в «Русской воле», он пренебрёг мнением своих коллег по «Призыву» и был официально объявлен представителем новой газеты в Париже. Среди подавляющего большинства российских социалистов этот поступок произвёл эффект разорвавшейся бомбы — Алексинский был исключён из редакций газеты «Призыв» и журнала Иорданского «Современный мир». Г. Плеханов всячески отговаривал своих коллег от принятия таких исключительных мер. Так, 10 ноября 1916 г. Р. Плеханов, по поручению приболевшего мужа, писала А. Любимову, что терять очень талантливого Г. Алексинского, как одного из редакторов «Призыва», было бы сильным уроном для газеты, который, безусловно, был бы на руку «пораженцам». Муж находит, продолжала Розалия Марковна, что Алексинский, при всей своей горячности, обладает достаточным политическим тактом и революционностью, чтобы вовремя уйти, осознав ложность сделанного им шага. А в письме от 18 ноября уже сам Георгий Валентинович, немного оправившись от болезни, буквально умолял Любимова и остальных членов редакции «Призыва» не предпринимать ничего против Г. Алексинского³². Однако их гнев был настолько велик, что редакторы «Призыва» не вняли мольбам своего лидера.

Вскоре новоиспечённый сотрудник «Русской воли» стал вести себя уже совсем непредсказуемо. В самом начале 1917 г. в № 56 «Призыва» появилась статья Плеханова «Стоны Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал». Через некоторое время, согласно предварительной договорённости, она должна была быть опубликована в России, в журнале потресовского направления «Дело». Однако совершенно неожиданно, очевидно, руководствуясь благими намерениями доведения взглядов Г. Плеханова до российской публики, но не спросив на это разрешения у самого Георгия Валентиновича, Г. Алексинский поместил сокращённый вариант статьи в № 4 «Русской воли» от 5 января 1917 г. под названием «Стоны Бельгии».

Вероятнее всего, он просто не поставил в известность Амфитеатрова о том, что не спросил разрешения автора на публикацию статьи в «Русской воле». Это подтверждается содержанием телеграммы Амфитеатрова Плеханову от 22 января 1917 г., сообщавшего, что его статья произвела глубокое впечатление на широкие слои общества и вызвала досаду пораженцев и шарлатанов, уделом которых является демагогия, и поздравлявшего с успехом. Конечно же, А. Амфитеатров и не подозревал, что

Г. Плеханов был поставлен, таким образом, в крайне неприятное положение перед журналом «Дело». Им было получено письмо от одного из редакторов этого журнала Петра Маслова с уведомлением о том, что уже набранная в номер его статья в связи с её публикацией в «Русской воле» исключена из выпуска. Реакция Георгия Валентиновича на произошедшее была довольно резкой. Учитывая свой решительный отказ от личного участия в «Русской воле», он расценил поступок Г. Алексинского, как проявление непорядочности, не деликатности, бестактности. Р. Плеханова в связи с этим писала А. Любимову 14 февраля 1917 г., что Алексинский поступил в данной истории, как литературный мародёр³³. И всё же за талант Григорию Алексеевичу прощалось многое. Двух месяцев оказалось достаточно, чтобы Плеханов простил ему и несанкционированное сотрудничество в «Русской воле» вообще, и инцидент со «Стонами Бельгии», в частности. Но об этом чуть ниже.

С А. Любимовым, также бывшим большевиком, Г. Плеханова связывали настоящие дружеские отношения. Совместная работа в редакциях газет «За партию» (1912—1914) и «Единство» (1914), составление думских докладов для А. Бурьянова, большая работа по объединению сил партии, защите ушедших на фронт в составе французской армии российских волонтеров, изданию газеты «Призыв» (1915—1917), помощь, которую Любимов и его супруга оказывали Плеханову в работе над «Историей русской общественной мысли», ещё более укрепили их дружбу: «...моя симпатия к Вам и, — что важнее, — моё к Вам уважение, — писал Георгий Валентинович в письме А. Любимову от 23 июля 1915 г., — росли с каждым новым деловым письмом, получавшимся мною от Вас. Я жалю единственно о том, что судьба свела меня с Вами, может быть, слишком поздно. Говорю: “слишком поздно”, имея в виду Ваше намерение записаться в ряды французской армии. Но и это намерение я очень уважаю, хотя мне и жаль было бы потерять такого товарища, как Вы. Я человек прямой и никогда не выражал своего уважения людям, которых не уважал, но Вам я выражаю своё уважение, потому что могу сделать это, оставаясь вполне искренним»³⁴.

Боясь потерять одного из ближайших соратников, Плеханов впоследствии не раз ещё отговаривал Алексея Ивановича от реализации принятого им решения записаться добровольцем в армию Французской республики. «Я понимаю Ваше решение, — писал он Любимову 18 ноября 1916 г., — о поступлении волонтером во французскую армию. Но это нас окончательно дезорганизует». «Т. Любимов, Ваше поступление в военную службу вредит работе в тылу»³⁵, — настаивал Г. Плеханов в письме от 26 декабря 1916 г. Однако отнюдь не эти постоянные уговоры лидера группы «Призыв» заставляли А. Любимова откладывать своё решение. Он надеялся, что многочисленные поражения нашей армии в ходе мировой войны и вызванная ими активизация оппозиционных сил российского

общества приведут в конечном итоге к определённым переменам, вероятно, подразумевая под этим всеобщую политическую и религиозную амнистию. Тогда у него появилась бы реальная возможность вернуться на Родину и защищать её, а не Францию, с оружием в руках. Зная о том, что контракт с французской армией в таком случае разорвать будет чрезвычайно сложно, Любимов долгое время пребывал в неопределённом положении, постоянно находясь в напряжённом ожидании перемен в России³⁶. Но ждать их пришлось ещё достаточно долго.

Если своих зарубежных соратников Г. Плеханов очень ценил и уважал, то к некоторым из единомышленников в России относился с определённым недоверием и прохладцей. Речь идёт, прежде всего, о Н. Иорданском. Плеханов как будто предчувствовал будущее увлечение его большевизмом. Одним из ближайших сподвижников Георгия Валентиновича Иорданский стал ещё в годы революции 1905—1907 гг. Уже тогда будущий большевистский функционер умел блеснуть своим революционным радикализмом. Это видно, в частности, из письма Ф. Дана П. Аксельроду от 8 октября 1904 г. Рассказывая в нём Павлу Борисовичу о состоявшейся в Женеве беседе с приехавшим туда из предреволюционной России Иорданским, Дан писал, что тот толкует о необходимости непосредственных действий, «хотя бы в виде разрушения зданий, повешения на уличных фонарях должностных лиц и т. п., о пользе захвата хотя бы на несколько дней какого-нибудь города в “диктатуру” пролетариата...»³⁷ Ю. Мартов в написанном П. Аксельроду из Аркашона письме от 27 сентября 1909 г. сообщал, что «политические карьеристы, вроде Н. И. Иорданского, теперь готовы предпочитать идти в кабалу к большевикам, чем договариваться с группой ортодоксальных меньшевиков»³⁸.

В годы же войны Г. Плеханов не мог простить Иорданскому помещение им в № 12 своего журнала «Современный мир» за 1915 г. антиоборонческой статьи меньшевика Николая Рожкова «Воззвание оборонцев» с критикой принятого на состоявшемся в сентябре 1915 г. в Лозанне совместном меньшевистско-эсеровском совещании манифеста «К сознательному трудящемуся населению России», автором которого являлся Плеханов. Скорее он готов был считать своим соратником в России никак не связанного с группой «Призыв» председателя Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете в Петрограде меньшевика Кузьму Гвоздева. «Что касается наших русских единомышленников, — писал Плеханов А. Любимову осенью 1916 г., — то я имею в виду не Иорданского, а Гвоздева и его товарищей. К сожалению, Иорданский не отличается политической дальновидностью. ...ведь поместил же Иорданский “критику” нашего манифеста, написанную Рожковым, а ведь трудно придумать что-нибудь глупее этой “критики”. Итак, Иорданский здесь в счёт идти не может. Иное дело Гвоздев. Если можно знать его мнение, — т. е. если можно снестись с ним, — то необходимо принять все меры к тому, чтобы

это мнение стало нам известным. Мы не можем разойтись с Гвоздевым. Это было бы непоправимой ошибкой»³⁹.

Но и эта обида на Н. Иорданского будет вскоре забыта Г. Плехановым, как только свершится долгожданная Февральская революция. Однако не будем торопить события.

4. Определение позиции

Начало войны застало Г. В. Плеханова в Лондоне, куда он приехал для работы в библиотеке Британского музея по сбору материалов ко 2-му тому «Истории русской общественной мысли». Узнав об обострении мирового конфликта, он направился в Париж и прибыл туда 21 июля, в день объявления Германией войны Французской республике. Столица Франции в эти дни была охвачена волнами патриотического возбуждения, там шли энергичные военные приготовления к отражению натиска стремительно продвигавшихся к Парижу немецких полчищ.

В конце июля—начале августа 1914 г. около 9 тысяч проживавших во Франции российских эмигрантов записались добровольцами во французскую армию. Примерно 70—80 социал-демократов, бундовцев, эсеров и анархистов из их числа составили так называемый Республиканский отряд. 8 августа, накануне отъезда отряда из Парижа, российские волонтеры-социалисты обнародовали написанную при участии Плеханова декларацию с изложением мотивов своего поступка (защита европейской демократии от реакционных посягательств со стороны «австро-германской феодальной военщины»⁴⁰). Во время проводов Республиканского отряда Георгий Валентинович произнёс патриотическую речь, в которой одобрил позицию волонтеров.

Главная мысль речи сводилась к тому, что в войне Австро-Венгрии и Германии с Францией, Бельгией и Англией интересы международного пролетариата и социального прогресса находятся на стороне трёх последних государств и что поэтому каждый, дорожающий указанными интересами, должен желать победы именно им. Несколькими днями позже в разговоре «с одним русским профессором», отчёт о котором появился в столичной кадетской газете «Русское слово» 23 августа 1914 г., Плеханов коснулся и перспектив участия России в конфликте. Он полагал, что в случае победы Германия навязала бы ей договор, с помощью которого постаралась бы сделать Россию своим вассалом в экономическом отношении, а это очень вредно отразилось бы на дальнейшем ходе экономического и социально-политического развития страны по пути к достижению одной из основных целей РСДРП — установлению демократической республики⁴¹.

Надо сказать, что далеко не все коллеги Г. Плеханова по партии, в том числе и из парижской эмигрантской среды, склонны были расценивать заключение такого договора, как национальную катастрофу. Так, один из редакторов местной социал-демократической газеты «Голос» Мирон Владимиров (Шейнфинкель) считал недостаточной плехановскую аргументацию относительно опасности подобного договора. Считая победу Германии в войне меньшим злом, нежели триумф России, в ноябре—декабре 1914 г. он заявлял А. Любимову, что если бы было возможно добиться свержения царизма ценой миллиардной контрибуции, хищнического торгового договора и даже уступки немцам Польши и Прибалтики, — следовало бы на это пойти. «Люди не видят дальше своего носа, — писал Любимов Плеханову 16 ноября, — и не понимают, что, при таких условиях, свержение царизма произошло бы с согласия Вильгельма, который через год реставрировал бы его в прежней красе и силе». Сам же Георгий Валентинович называл критиков своей позиции из «Голоса» «большими невеждами» и «парижскими дураками». «Кстати, — писал он Любимову 22 ноября 1914 г., — если бы Польша отошла к Германии, то от этого наше экономическое развитие не потеряло бы, а выиграло. Страшно не это. Страшен торговый договор, который сделал бы из России дурно оплачиваемую земледельческую колонию Германии; страшно финансовое иго огромной контрибуции. Быстрое развитие капитализма залог нашего освобождения»⁴².

Касаясь вопроса об инициаторе развязывания международной бойни, Г. Плеханов 17 сентября 1914 г. в письме-разъяснении, опубликованном спустя две недели в кадетской «Речи» и ряде других российских газет, писал: «...я принципиальный противник войны. Но раз война началась, я... желаю поражения... нападающей стороне. А нападающей стороной... явились Германия и её союзница Австро-Венгрия». Георгий Валентинович резко осуждал такие «варварские подвиги» германской армии на оккупированных ею территориях, как «разрушение Лувена и бомбардировка Реймского собора», сравнивая в связи с этим полчища Гинденбурга с «воинами Салманасаров, Ашшурбанипалов и других азиатских деспотов»⁴³. Единомышленники Плеханова также были согласны между собой в том, что, как говорилось в составленном А. Любимовым по проекту П. Дневницкого общем заявлении участников сборника «Война», опубликованном в виде предисловия к этому изданию, «непосредственная ответственность за войну падает на германское и австрийское правительства, набросившиеся на Сербию и нарушившие неприкосновенность Бельгии»⁴⁴.

Развил и конкретизировал свою «военную» позицию Г. Плеханов в двух письмах, написанных им в Сан-Ремо 14 октября 1914 и 25 апреля 1915 г. Первое из них было адресовано болгарскому социалисту Захарию Петрову и под названием «О войне» было издано затем в Париже. Оно явилось результатом дополнения и переработки публичного реферата «Об

отношении социалистов к войне», прочитанного Плехановым в конце сентября на собрании российских эмигрантов в Лозанне. Второе же открытое письмо адресовалось другому болгарскому социалисту Нусинову и под названием «Ещё раз о войне» было опубликовано в парижском сборнике «Война».

Из этих писем видно, что при разработке тактики отношения к мировой войне «первый русский крестоносец марксизма»⁴⁵ исходил из «простых законов нравственности и права», утвердить которые в международных отношениях стремился Маркс, и сообразовывался при этом с «обстоятельствами времени и места», чему, в свою очередь, научился у Чернышевского⁴⁶. Считая германский милитаризм более опасным для Европы, нежели английский и российский, Г. Плеханов подчёркивал, что неблагоприятный для Германии исход войны крайне желателен. В письме З. Петрову он отмечал: «...когда один народ, преследуя империалистические цели, нападает на другой, этот последний не может не защищаться... И международная социал-демократия не может не сочувствовать его самозащите, если... она, в самом деле, руководствуется в своей иностранной политике "простыми законами нравственности и права"»⁴⁷.

Плеханов и его сподвижники серьёзно опасались последствий возможной победы в Первой мировой войне держав Четверного союза. В 1915 г. А. Любимов писал, что успех Германии и Австрии означал бы аннексию Бельгии и Сербии, полный разгром Франции, экономическую гегемонию Германии над всей Европой, разгром европейской демократии и восстановление нового Священного союза трёх императоров. Такой результат войны, полагал он, надолго задержал бы дальнейшую борьбу европейского и международного пролетариата за демократию и социалистические идеалы⁴⁸.

О негативном же отражении последствий возможного военного фиаско стран Антанты на судьбах пролетарского движения в России неоднократно размышлял на страницах своих произведений Г. Плеханов. Например, его статья «Надо ли голосовать за военные кредиты?», написанная в январе 1916 г., содержала строки, названные автором «краткой исповедью русского социал-демократа». Когда Германия объявила войну России, говорилось в ней, «я не мог не спросить себя: как отразится поражение... последней на нашем рабочем движении? Не будучи... невеждой в экономических вопросах, я понял, что победа германского империализма явится сильнейшим препятствием на пути экономического развития России. А так как в своём качестве марксиста я... думаю, что экономика... всегда сильнее политики, то для меня... стало ясно, что поражение России, ...замедлив её экономическое развитие, а, стало быть, и рост её рабочего движения, ...значительно отдалит время политической эмансипации России. И тогда я сказал себе, — если бы мы, русские революционеры, взду-

мали мешать самообороне России, то мы уподобились бы сказочному дурню, рубившему ту ветку, на которой он сидел»⁴⁹.

Не имея возможности открыто и легально вернуться в Россию, где царское правительство могло предложить социалистам только тюрьму или ссылку, и принять посильное непосредственное участие в деле обороны страны от внешнего врага, Г. Плеханов и его соратники прилагали максимум усилий для обеспечения возможно более достойных условий прохождения службы во французской армии российских добровольцев из Республиканского отряда. А. Любимов состоял с некоторыми из них в переписке. В Архиве Дома Плеханова в Санкт-Петербурге также сохранились письма за 1914—1917 гг. в адрес Георгия Валентиновича и Розалии Марковны Плехановых одного из волонтеров, солдата Иностранного полка социал-демократа Михаила Фёдорова⁵⁰.

Переписка эта показывала, что судьба некоторых из российских добровольцев была поистине трагичной. Принесение ими столь значимой жертвы на алтарь свободы одной из союзниц России не было по достоинству оценено французским военным командованием, которое отказывалось воспринимать наших волонтеров в качестве равноправных братьев по оружию. «Мне удалось начать переписку с нашими товарищами, ушедшими волонтерами, — писал по этому поводу Г. Плеханову А. Любимов в декабре 1914 г. — На днях я получил от одного из них письмо. Он находится в траншеях и об их житье-бытье пишет очень тяжёлые вещи. Дело в том, что их всех... определили в иностранные легионы, ...в которые записываются все подонки общества, беглые каторжники, немецкие дезертиры... Смешав их с этой публикой, начальство и на них начало смотреть как на преступников. Атмосфера сделалась невозможная: отношения с солдатами — как в тюрьме между политическими и уголовными. Были протесты, несколько пошло уже под военный суд...» В связи со сложившейся ситуацией Любимов просил Плеханова написать своему другу Жюлю Геду, который в качестве министра, возможно, сумел бы как-либо повлиять на её положительное изменение. «Товарищи хотят только, — заканчивал письмо Алексей Иванович, — чтобы их перевели во французские полки и избавили от уголовного соседства — как волонтеры, пошедшие сражаться за Францию, они имеют на это право»⁵¹.

Г. Плеханов выполнил тогда просьбу одного из ближайших своих соратников относительно обращения к Геду, однако ожидаемого результата это не принесло. Когда российским волонтерам стало ясно, что ни французское командование, ни официальные и правительственные органы, куда писались их прошения, протесты и письма, не собираются на них реагировать, они отказались в июне 1915 г. возвращаться в траншеи и воевать в составе Иностранного легиона, требуя перевода либо во французские, либо в русские фронтовые части. Спустя некоторое время после предъявления ультиматума, 40 «бунтовщиков» из Республиканского отряда под конвоем

были приведены в здание суда небольшого села неподалёку от Орлеана. Не объяснив причин предания волонтеров суду, прокурор, в качестве которого выступал лейтенант французской армии, потребовал для них наказания в 5 и 10 лет каторжных работ. Все осуждённые были отправлены в Африку на каторгу и лишь в январе 1916 г. неожиданно помилованы. Другая подобная история, происходившая в то же время, закончилась ещё хуже — 9 (по другим данным — 11) российских добровольцев было расстреляно⁵².

Получив это известие, Г. Плеханов назвал его просто ужасным. «Но мёртвых не воскресить, — писал он А. Любимову 7 июля 1915 г., — а тех, которые ещё живы, надо отстоять... Буду действовать, буду писать французским товарищам. Что выйдет, не знаю. Я уже писал — ещё несколько месяцев тому назад — Геду, и он ответил мне, ...что они постараются облегчить участь наших товарищей, безо всякой вины отданных в дисциплинарные батальоны. Пока ещё никакого облегчения, кроме расстрела и каторги, не вышло. Будем настаивать»⁵³. Думается, что настойчивость Георгия Валентиновича в данном вопросе всё же принесла свои плоды и в помиловании в 1916 г. отправленных на африканскую каторгу российских волонтеров есть и его заслуга.

Отношение к голосованию думских социал-демократов за или против выделения российскому правительству военных кредитов относилось к числу вопросов, по которым, во-первых, позиция Плеханова в 1914 — феврале 1917 г. менялась и, во-вторых, между ним и единомышленниками существовали определённые разногласия. Так, в письме от 21 января 1915 г., которое увезли из Сан-Ремо (Г. Плеханов переехал туда на зиму из Женеви) в Петроград навестившие его там социал-демократы Попов и Стойнов, лидер группы «Призыв» советовал думской фракции РСДРП голосовать против военных кредитов, мотивируя это тем, что «хотя мы и считаем совершенно необходимой оборону страны, но, к сожалению, это первой важности дело находится в слишком ненадёжных руках самодержавного царского правительства»⁵⁴.

Но прошло некоторое время и в связи с целым рядом тяжёлых поражений нашей армии весной — летом 1915 г., принесших России несколько ощутимых территориальных потерь (Польша, Литва, часть Латвии и Белоруссии), Плеханов изменил свою позицию. В июле 1915 г. он писал по этому поводу А. Бурьянову: «...Вы и Ваши товарищи... просто-напросто не можете голосовать против военных кредитов. ...Голосование против кредитов было бы изменой (по отношению к народу), а воздержание от голосования... трусостью; голосуйте — за!»⁵⁵.

Хотя и с оговорками, но всё же за голосование высказывался и Г. Алексинский. Однако не все сподвижники Георгия Валентиновича с полным пониманием и сочувствием отнеслись к его патриотическому порыву. В частности, К. Андронников и А. Любимов являлись сторонниками воздержания от голосования за военные кредиты. Последний из них

11 марта 1916 г. писал Плеханову, что такая его позиция объяснялась исключительно заботой об успехе революционного дела в России: «...масса, среди которой мы ведём работу, — говорилось в письме, — мыслит догматически... В течение многих лет мы внушали этой массе, что нельзя голосовать за кредиты, и эту нашу проповедь она восприняла догматически, а раз так — успех нашего революционного дела не будет обеспечен, если мы разом порвём с этой догматикой и отпугнём от себя массы. Решающую роль для меня в этом вопросе играют специфические российские условия — отсутствие свободы слова и печати, которое лишает нас одного из орудий борьбы с догматикой и заставляет считаться с нею»⁵⁶. Конечно, как очень серьёзные и принципиальные эти расхождения расценить нельзя, и к каким-либо организационным расколам они не привели.

5. Полемика с оппонентами в социалистическом лагере

Выступления Г. Плеханова и его единомышленников за участие революционеров в защите России от внешнего врага навлекли на него многочисленные обвинения, тяжелее которых невозможно придумать для социал-демократа, — в предательстве марксизма. Так, Ю. Мартов утверждал, что в отношении к мировой войне и его марксистском обосновании Плеханов «разбавил крепкое вино марксизма некоей посторонней жидкостью»⁵⁷. Другие авторы высказывались по этому поводу ещё резче, подчёркивая, что, заняв оборонческую позицию, первый русский марксист опошил, изуродовал, окарикатурил и, более того, изменил марксизму, окончательно с ним распрощавшись⁵⁸.

Обвинения эти были абсолютно беспочвенными и совершенно лишёнными оснований. Характеризуя в «Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих» (1864) внешнюю политику, которую поддерживал Интернационал, Маркс указывал на обязанность пролетариата «самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами...; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для... разоблачения её и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости... стали высшими законами в отношениях между народами»⁵⁹.

На практике же метод выработки тактики пролетариата в конкретном международном конфликте К. Маркс продемонстрировал по ходу франко-прусской войны 1870—1871 гг. Предотвратить её развязывание рабочим не удалось и нужно было занять по отношению к ней ту или

иную позицию. Со стороны Пруссии война (до разгрома армии Наполеона III при Седане) носила оборонительный характер. Учитывая это, в «Первом воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» Маркс принял сторону немцев. Но стоило конфликту изменить характер и превратиться, со стороны Пруссии, в завоевательную войну, как, приветствуя провозглашение республики во Франции (4 сентября 1870 г.), он поднял голос в её защиту и потребовал «почётного для Франции мира»⁶⁰.

Этот марксистский принцип — поддержка справедливых войн за независимость и отказ от завоевательных устремлений со стороны пролетариата, а также сохранение им при любых обстоятельствах самостоятельного характера своей международной политики — был хорошо усвоен Плехановым и положен в основу его платформы в период Первой мировой войны. Он всегда подчёркивал свою верность «завету первого и второго Интернационалов — восставать против войн, начинаемых с завоевательными целями, и деятельно участвовать в войнах оборонительных»⁶¹. Мировой конфликт 1914—1918 гг. Георгий Валентинович и его единомышленники как раз относили к числу последних, из чего логически вытекала их оборонческая позиция. Так, в заявлении плехановской группы «Единство» по вопросам внешней и внутренней политики в связи с предстоящим Демократическим совещанием, опубликованном 7 сентября 1917 г. в № 135 газеты «Единство», говорилось, что Россия «находится в положении страны, ведущей оборонительную войну. А так как ни первый, ни второй Интернационал никогда не отрицали права народов на самооборону, то трудящееся население нашего отечества может с совершенно спокойной совестью давать энергичный отпор неприятелю, не боясь упрёка в нарушении заветов Международного Братства Рабочих Народов»⁶².

Таким образом, совершенно прав был меньшевик и историк меньшевизма Давид Далин (Левин), утверждая, что Г. Плеханов и его соратники сочетали в своей идеологии «самый ортодоксальный марксизм с полной лояльностью к западным союзникам»⁶³; не менее прав был и Л. Дейч, называвший своего старого друга «наиболее бдительным стражем чистоты и последовательности научного социализма»⁶⁴; и, наконец, в правильном направлении мыслил бывший народоволец, а затем монархист Лев Тихомиров, относивший Георгия Валентиновича к числу людей, которые «были более марксисты, чем сам Карл Маркс»⁶⁵. И, конечно же, абсолютно расходились с объективной исторической истиной те, кто видел в основателе российской социал-демократии «ренегата марксизма»⁶⁶. В исследуемый период Плеханов, лучший в РСДРП знаток марксистской теории и методологии, называвший героя своей работы «Карл Маркс» не иначе, как «самым замечательным человеком» и «наиболее уважаемым учителем пролетариата» XIX столетия⁶⁷, в отношении к войне не только

не предавал марксизм, но и продолжал оставаться одним из наиболее ортодоксальных его приверженцев.

Тем временем осенью 1915 г. за границей произошло организационное оформление меньшевистско-эсеровской группы «Призыв» плехановского направления. 5—10 сентября в Лозанне под председательством Н. Авксентьева состоялось 6 заседаний совместного совещания социал-демократов и социалистов-революционеров, результатом которого явилось принятие ряда документов оборонческого характера. В резолюции о тактике, выработанной Плехановым и Авксентьевым и единогласно утверждённой совещанием, приводились веские аргументы в пользу занятия пролетариатом стран Антанты в Первой мировой войне оборонческой позиции. Международный социализм, говорилось в резолюции, всегда признавал за каждым народом право и обязанность защищать себя от нападения. Для иллюстрации данного утверждения приводилась небольшая выдержка из антивоенной резолюции Копенгагенского конгресса II Интернационала: «Мы требуем, — гласила она, — права на самоопределение всех народов и защиты всех стран от вооружённых нападений и насильственного подчинения». В ещё более определённой форме та же мысль, полагали Плеханов и Авксентьев, содержалась в одной из резолюций состоявшегося в 1906 г. Лиможского конгресса ФСП: «Народ и пролетариат страны, подвергшейся нападению, — говорилось в ней, — имеет право рассчитывать на поддержку рабочего класса всего мира»⁶⁸.

Помимо этого, совещание выработало манифест «К сознательному трудящемуся населению России», автором которого был уже один Плеханов, систематизировавший в нём свои взгляды на войну. Следствием её неудачного для России исхода, говорилось в манифесте, явилось бы разрушение большого количества материальных ценностей и огромное увеличение и без того немалого государственного долга, уплата военной контрибуции и насильственное отторжение части государственной территории, а также заключение торгового договора, выгоды от которого достались бы победителям. Результатом этого, полагал Георгий Валентинович, была бы остановка экономического роста России и, как следствие, прекращение её культурного и общественного развития. А поскольку рост общественного и культурного развития страны неизбежно ведёт за собой усиление освободительного движения и расшатывает основы старого политического порядка, то неудачный для России исход войны, утверждал он, означал бы также укрепление позиции царизма. Во избежание этих последствий автор манифеста призвал социалистов и всю революционную демократию принять активное участие в обороне страны и во всём, что увеличивало шансы победы России и её союзников. В манифесте также подчёркивалось, что всякое «революционное “вспышкопускательство” в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению равнялось бы измене, так как было бы услугой внешнему врагу... Даже к стачкам мож-

но прибегнуть теперь, во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические, нравственные и политические последствия»⁶⁹. Подписали документ, опубликованный в № 3 газеты «Россия и свобода» 16 сентября 1915 г., И. Аксельрод, Г. Алексинский, Г. Белоусов, Л. Дейч, Э. Зиновьева-Дейч, А. Любимов, Г. Плеханов, а также 5 эсеро-оборонцев (4 будущих редактора газеты «Призыв» и Абрам Бах). В России он был перепечатан с купорами в газетах «Речь», «Русские ведомости», «Утро России», «Новое время» и др., получив там чисто патриотическое, оборонческое звучание (без антиправительственной риторики).

22 декабря 1915 г. Любимов писал Плеханову, что манифест совещания в Лозанне произвёл в России «колоссальное впечатление». «Можно смело сказать, — говорилось в письме, — что ещё не было в истории нашей партии примера, когда бы социалистическая мысль так сильно повлияла на события, как это сделано было нашим манифестом. Пораженчество, которое начало было подымать голову, получило сильный удар, выборы в Москве от рабочих в военно-промыш[ленный] комитет, несомненно, произошли под нашим влиянием...»⁷⁰ Действительно, в манифесте «К сознательному трудящемуся населению России» Г. Плеханов недвусмысленно высказывался за самое деятельное участие представителей трудящихся в работе всех учреждений, создававшихся тогда для борьбы с внешним врагом, в том числе и военно-промышленных комитетов⁷¹.

Однако трудно всё же понять, почему Любимов необоснованно связывал вступление рабочих представителей в МОВПК, явившееся результатом проводившейся непосредственно на российской почве агитации А. Потресова и его единомышленников, исключительно с выходом указанного манифеста. Трудно ещё и потому, что сам Алексей Иванович писал Плеханову в том же письме, что «одного манифеста недостаточно, надо систематически проводить изложенные им взгляды в России, а для этого необходимо так или иначе объясниться с нашими росс[ийскими] единомышленниками. Пока, — признавался Любимов, — нет у нас с ними возможности непосредственных сношений... А без своего русского штаба трудно влиять... на росс[ийских] рабочих»⁷².

Нельзя здесь не вспомнить и недалёких от истины слов В. Ленина, который, определяя весной—летом 1915 г. основное ядро оборонцев в России, считал им потресовский журнал «Наша заря», замечая при этом, что Плеханов с Алексинским «более шумят» и «неспособны вести систематическую пропаганду в массах в России»⁷³. Ничуть не лучшим в этом отношении было положение плехановцев и в эмиграции. «Среди загранич[ных] соц[иал]-дем[ократов], — писал А. Любимов Г. Плеханову в том же письме, — мы — сторонники обороны — оказались в ничтожном меньшинстве...»⁷⁴ Такое печальное положение дел было расплатой Плеханова и его единомышленников за безоговорочно занятую патриотическую позицию, верное следование довоенным решениям II Интернационала и, ко-

нечно же, оторванность от Родины, не позволявшую не только серьёзно влиять на происходившие там события, но даже детально разъяснить находившимся на партийной работе в России социалистам-оборонцам все нюансы и тонкости своей позиции.

Между тем содержание манифеста «К сознательному трудящемуся населению России» вызвало резкое недовольство в рядах меньшевиков-противников участия социалистов в обороне России от внешнего врага. Так, Александр Мартынов (Пикер), выражая мнение коллег по Заграничному секретариату Организационного комитета (ЗСОК) РСДРП (П. Аксельрод, И. Астров, Ю. Мартов и С. Семковский), заявлял, что организация «Призыв» далеко перешагнула за пределы терпимого в партии, и членам групп содействия ей не должно быть места в рядах организаций Августовского блока⁷⁵.

В ответ на манифест в октябре 1915 г. было выпущено также воззвание меньшевиков-«сторонников классового интернационального знамени пролетариата» к российским рабочим с резкой критикой взглядов группы «Призыв». Среди прочего критиковался тезис Плеханова о возможности, в случае поражения России, отторжения части её территории. В воззвании утверждалось, что источником мировой войны являлось не стремление захватить друг у друга часть европейской территории, а желание каждого из воевавших государств захватить побольше колоний в Азии и Африке. Поэтому, говорилось в документе, «если бы немцам удалось во время военных операций захватить даже пол России, они бы её очистили после заключения мира»⁷⁶. Возможно, доля истины в данной гипотезе авторов воззвания имела. Но если последовать их примеру и предположить, что с момента захвата Германией «пол России» до её очищения в результате заключения мира прошло бы, допустим, несколько лет, то «сторонникам классового интернационального знамени пролетариата» открыто посмотреть в глаза этого самого пролетариата, несколько лет терпевшего на своей спине немецкий сапог, думается, было бы очень трудно.

Многие советские историки утверждали, что в годы Первой мировой войны Г. Плеханов и его единомышленники изменили рабочим, стали агентами буржуазии в рядах пролетариата и даже перешли на сторону царского правительства⁷⁷. Конечно же, они были совсем не правы. «...Я знаю "одной лишь думы власть": интересы нашего рабочего движения, — писал Плеханов Любимову 26 декабря 1916 г. — К этому приурочивается и то, что теперь кажется некоторым товарищам моим "национализмом". Весь мой "национализм" вызывается сознанием того, что *русский пролетариат* поставлен судьбою историческою в особенно неблагоприятные условия, и я готов сделать всё, что угодно, для того, чтобы помешать кому бы то ни было поставить его в условия, ещё более неблагоприятные. Другими словами, я вижу, я знаю, что русский рабочий класс есть *пасынок истории* и глубоко возмущаюсь, когда более его счастливые *дети* истории третируют

его с незаслуженным презрением»⁷⁸. Основания не верить в искренность этих слов совершенно отсутствуют в биографии Георгия Валентиновича. Своей многолетней борьбой за интересы российского пролетариата он доказал их полную обоснованность.

Не переходил Плеханов со своими сподвижниками и на сторону правительства Николая II. В ноябре 1914 г. А. Любимов в разговоре с М. Владимировым указывал, что упреки в адрес Г. Плеханова и его единомышленников в отказе от борьбы с царизмом «исходят от нечистой совести». А в 1915 г. Любимов предлагал для обсуждения соратников резолюцию, где говорилось, в частности, о том, что «русский пролетариат, принимая участие в обороне своей страны, отнюдь не должен прекращать своей борьбы с реакционным правительством, но должен вести её так, чтоб не дать возможности использовать эту борьбу господствующим элементам воюющих с Россией стран, интересам которых, так же как и интересам самодержавия, противоречит освободительное движение в России, но которые, в случае успеха своих военных предприятий, будут располагать для подавления этого движения большими, чем самодержавие, силами и средствами»⁷⁹.

В апреле 1917 г. в статье «Война народов и научный социализм» Г. Плеханов писал: «Я никогда не призывал русский пролетариат поддерживать царское правительство в его войне с правительствами Австрии и Германии»⁸⁰. Царизм он считал «внутренним врагом» России и в участии социалистов в обороне страны видел не средство поддержки реакции, а фактор, расшатывавший её устои. Освобождение России от внутреннего врага, полагал Плеханов, достигаемое в процессе её самообороны от иностранного нашествия, «такова та великая цель, которой... должны быть подчинены все частные задачи...»⁸¹ Таким образом, ни на роль «марксистобразных лакеев или шутов при Пуришкевиче и Милюкове», ни на роль «лакеев царизма»⁸² Г. Плеханов и его соратники явно не подходили.

Голословными являются и обвинения, будто бы в годы войны они были сторонниками шовинизма, империализма и национализма⁸³. Все эти термины — «шовинизм», «империализм» и «национализм» — имеют нечто общее, а именно: стремление к захвату чужих земель, угнетению, экономической экспансии и эксплуатации одних стран и народов другими. Такие настроения Плеханову и его сторонникам были чужды. В воззвании к русскому народу, которое в феврале 1915 г. подписали И. Аксельрод, П. Дневницкий, А. Любимов, В. Ольгин и Г. Плеханов, было чётко определено, что социалисты России «не хотят экономической и политической смерти Германии и ведут войну не с народами Германии и Австрии, а... с правительствами, угнетающими эти народы», а также должны сопротивляться всем попыткам превратить оборонительную войну в наступательную. Лозунг национальной обороны ассоциировался у авторов воззвания с

лозунгами демократии против империализма и мирного сожительства народов⁸⁴.

В том же 1915 г. А. Любимов писал, что, ведя справедливую оборонительную войну, пролетариат союзных стран обязан зорко следить за тем, чтобы не дать ей перейти в войну агрессивно-наступательную и в подходящий момент обязан всеми силами добиваться прекращения войны и заключения мира, который давал бы все возможные гарантии против повторения подобных боен⁸⁵. И, наконец, весной 1916 г. Г. Плеханов также подчёркивал, что поскольку политика империализма ведёт к эксплуатации одной страны другой страной, постольку она должна быть решительно отвергаема международными социалистами⁸⁶. Из этого следует, что по отношению к Первой мировой войне Плеханов и его единомышленники были сторонниками обороны России, одновременно являлись и социалистами-патриотами, и революционными пролетарскими интернационалистами. Сам Георгий Валентинович, кстати, также считал занимаемую им в 1914—1917 гг. позицию интернационалистской⁸⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Плеханов Г. В. Речь и заключительное слово на Цюрихском конгрессе в 1893 году // Плеханов Г. В. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1925. Т. IV. С. 329.

² Плеханов Г. В. Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе (в редакцию журнала «L'Ere nouvelle» // Там же. С. 162.

³ См.: Плеханов Г. В. Речь в день открытия Амстердамского международного социалистического конгресса // Там же. Т. XIII. С. 372.

⁴ Плеханов Г. В. Письмо в редакцию «Movement Socialiste» // Там же. С. 74.

⁵ См.: Иовчук М., Курбатова И. Указ. соч. С. 211; Ионичев Н. П. Российская социал-демократия против милитаризма и войны (конец XIX века — 1917 г.). М., 1990. С. 13—14; Тютюкин С. В. «Мягкие» марксисты: меньшевики // История политических партий России / Под ред. А. И. Зевелева. М., 1994. С. 246 и др.

⁶ См.: Зиновьев Г. Указ. соч. С. 92.

⁷ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 372.

⁸ См.: Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг. М., 1981. С. 39. Правда, нельзя не отдать должное указанному автору, который в последние годы даёт в своих работах более взвешенные характеристики отношения Г. Плеханова к войне с Японией. Не называя его прямо пораженцем, С. Тютюкин лишь констатирует, что Георгий Валентинович видел в военных неудачах царизма средство приближения начала революции в России (см., напр.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 195).

⁹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 99—100.

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ Цит. по: Волковичер И. Партия и русско-японская война // Пролетарская революция. 1924. № 12 (35). С. 119—121.

¹² Подробнее об отношении Г. Плеханова к войне России с Японией см.: Аврус А. И., Костяев Э. В. Российская социал-демократия и русско-японская война 1904—1905 годов // Australian Slavonic and East European studies. (Formerly Melbourne Slavonic studies). Journal of the Australian and New Zealand Slavists' Association and of the Australasian Association for the Study of the Socialist Countries. Vol. 7. Num. 2. 1993. P. 115—141.

¹³ См.: Сборник документов и материалов по курсу «Политическая история XX века». Вып. 1. М., 1991. С. 142.

¹⁴ См.: Там же. С. 145—150.

¹⁵ Цит. по: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 304.

¹⁶ См.: История России. Вторая половина XIX—XX вв. Курс лекций. Ч. 1 / Под ред. Б. В. Леванова. Брянск, 1992. С. 70—71.

¹⁷ Потресов А. Н. Война и вопросы международного демократического сознания. Вып. 1. Пг., 1916. С. 63.

¹⁸ Майский И. М. Путешествие в прошлое. Воспоминания о русской политической эмиграции в Лондоне 1912—1917 гг. М., 1960. С. 174.

¹⁹ Цит. по: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 188.

²⁰ См.: История II Интернационала. Ч. 2. М., 1966. С. 406.

²¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 270.

²² Цит. по: Гетцлер И. Мартов. Политическая биография русского социал-демократа. Пер. Н. Казаровой // История России в вопросах и ответах. Курс лекций. Сост. С. А. Кислицын. Ростов-на-Дону, 1997. С. 386.

²³ См.: Плеханов Г. В. Интернационализм и защита Отечества. Пг., 1917. С. 8; Его же. Война и мир. Пг., б. г. С. 27.

²⁴ Цит. по: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 304.

²⁵ См.: Сборник документов и материалов по курсу «Политическая история XX века». Вып. 1. С. 153.

²⁶ См.: «Необходимо противопоставить революционной фразеологии — революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914—1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 2. С. 108.

²⁷ Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 1: А. А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901—1928 гг. М., 1995. С. 220.

²⁸ «Необходимо противопоставить...» № 2. С. 156.

²⁹ См.: Там же. № 3. С. 108—109.

³⁰ См.: Там же. С. 128, 129.

³¹ См.: Там же. С. 129.

³² См.: Там же. С. 131—132.

³³ См.: Там же. С. 136—137, 151.

³⁴ Там же. С. 109.

³⁵ Там же. С. 132, 133.

³⁶ См.: Там же. С. 110.

³⁷ Дан Ф. Письма (1899—1946). Amsterdam, 1985. С. 120.

³⁸ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова (1901—1916). Берлин, 1924. С. 198.

³⁹ «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 130.

⁴⁰ Цит. по: Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты. Либералы. Масоны. Социалисты. Мадрид, 1986. С. 184—185.

⁴¹ См.: Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М., 1996. С. 352—353.

- ⁴² «Необходимо противопоставить...» № 2. С. 154—156, 158. Крайне нежелательные, уничижительные характеристики ещё не раз раздавались из уст Плеханова и в адрес преемницы «Голоса» — парижской газеты «Наше слово». Так, например, 30 июня 1916 г. он написал А. Любимову, что спорить с этим изданием, в котором главную роль тогда играл Л. Троцкий, «это — то же, [что] глотать клопов» (там же. № 3. С. 124).
- ⁴³ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. С. 352—353; Плеханов Г. В. Вопросы войны и социализма. О войне. Статьи. Пг., 1917. С. 85.
- ⁴⁴ «Необходимо противопоставить...» № 2. С. 164. О позиции Плеханова и его единомышленников в вопросе о виновнике войны см. также: Плеханов Г. В. О войне. 4-е изд. Пг., 1916. С. 19, 37—38; Алексинский Г. Война и революция. Пг., 1917. С. 9; Дневниковый П. Чем грозит русскому народу победа Германии? Пг., 1917. С. 3—4 и др.
- ⁴⁵ Троцкий Л. Беглые мысли о Г. В. Плеханове // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 255.
- ⁴⁶ См.: Плеханов Г. В. О войне. С. 18, 33; Его же. Н. Г. Чернышевский // Соч. Т. V. С. 54.
- ⁴⁷ Плеханов Г. В. О войне. С. 32, 19.
- ⁴⁸ См.: «Необходимо противопоставить...» № 2. С. 164. «Союз трёх императоров» — совокупность соглашений, заключённых в 1873—1884 гг. между Россией, Германией и Австро-Венгрией. В 1885—1886 гг. фактически перестал существовать, а в 1887 г. был продлён на 3 года Перестраховочным договором.
- ⁴⁹ Плеханов Г. В. Вопросы войны и социализма. С. 25—26.
- ⁵⁰ См.: «Необходимо противопоставить...» № 2. С. 159; № 3. С. 143.
- ⁵¹ Там же. № 2. С. 159—160.
- ⁵² См.: «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 143; Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 1. Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1994. С. 239.
- ⁵³ «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 107.
- ⁵⁴ Цит. по: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 315.
- ⁵⁵ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. С. 375.
- ⁵⁶ «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 119.
- ⁵⁷ Мартов Л. Простота хуже воровства. Пг., 1917. С. 9.
- ⁵⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 264, 271; Т. 27. С. 10, 11, 93—94; Т. 31. С. 118; Иовчук М., Курбатова И. Указ. соч. С. 324 и др.
- ⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 11.
- ⁶⁰ Там же. Т. 17. С. 1—5, 279.
- ⁶¹ Плеханов Г. В. Глухое ухо // От первого лица: Сборник. М., 1992. С. 30.
- ⁶² Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 3. Меньшевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 1. Август — первая декада октября. М., 1996. С. 406.
- ⁶³ Далин Д. Меньшевизм в период советской власти // Меньшевики / Сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, 1988. С. 149.
- ⁶⁴ Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов в России (1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 57.
- ⁶⁵ Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. Л., 1925. С. 28.
- ⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 138.
- ⁶⁷ См.: Возвращённая публицистика. Кн. 1. С. 25, 26.
- ⁶⁸ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: В 3 т. Т. 2. Июнь 1907 г. — февраль 1917 г. М., 2001. С. 492—493.

⁶⁹ Цит. по: Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. 1886—1916. Изд. 2-е, доп. Пг., 1918. С. 527—528, 605.

⁷⁰ «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 111. Рабочую группу при Московском областном военно-промышленном комитете (МОВИПК) избрали на собрании уполномоченных фабрик и заводов Москвы 15 ноября 1915 г. Она состояла из 10 человек под руководством разделявших взгляды А. Потресова на войну меньшевиков Василия Черогоридцева (председатель) и Александра Девяткина (товарищ председателя). Кроме них, в группу вошли 8 беспартийных рабочих. Одним из её советников являлся брат Ю. Мартова, меньшевик-оборонец Владимир Левицкий (Цедербаум).

⁷¹ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. С. 501.

⁷² «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 111—112.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 250.

⁷⁴ «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 111.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 88. Августовский блок — объединение организаций, участвовавших в состоявшейся 12—20 августа 1912 г. Венской конференции организаций РСДРП. Она была создана в противовес Пражской конференции большевиков и части меньшевиков-партийцев. На ней был избран Организационный Комитет РСДРП, ставший фактически руководящим органом меньшевиков вплоть до 1917 г.

⁷⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 451. Оп. 1. Д. 98. ЛЛ. 8, 2.

⁷⁷ См., напр.: Юдин П. Георгий Валентинович Плеханов. (К 25-летию со дня смерти). М., 1943. С. 19—20; Ильин А. Указ. соч. С. 39 и мн. др.

⁷⁸ «Необходимо противопоставить...» № 3. С. 133.

⁷⁹ Там же. № 2. С. 155, 165.

⁸⁰ Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917—1918 гг. в двух томах. Т. 1. Париж, 1921. С. 11.

⁸¹ Цит. по: Спиридович А. И. Указ. соч. С. 528—529. Антиправительственные и антипаристские высказывания Плеханова и его соратников см. также: Плеханов Г. В. О войне. С. 27; Алексинский Г. Война и революция. С. 12—16, 18—20, 27; Дневниковый П. Указ. соч. С. 31—32 и др.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 185, 12.

⁸³ См., напр.: Там же. Т. 26. С. 38; Т. 30. С. 58; Аптекман О. В. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. Л., 1924. С. 90; Тютюкин С. В. К вопросу о революционном шовинизме в годы первой мировой войны. С. 262, 266; Хэймсон Л. Меньшевизм и большевизм (1903—1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 45 и мн. др.

⁸⁴ См.: Дневниковый П. Указ. соч. С. 30—32.

⁸⁵ См.: «Необходимо противопоставить...» № 2. С. 165.

⁸⁶ См.: Плеханов Г. В. Вопросы войны и социализма. С. 65.

⁸⁷ См.: Там же. С. 26; Плеханов Г. В. Отечество в опасности // От первого лица: Сборник. С. 4 и др.

